

ДОКУМЕНТЫ ПРОФСОЮЗОВ

ПРОТОКОЛЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ СОБРАНИЙ ПЕТРОГРАДА В 1918—1923 гг.

Чаще прочего протоколы фабрично-заводских собраний 1918–1923 гг. можно обнаружить в фондах отраслевых профессиональных организаций — рабочих-металлистов, швейников, печатников, пицеевиков, химиков. Много протоколов содержится и в фондах промышленных предприятий — не только крупных, но и мелких. Профсоюзная отчетная документация составлялась низовыми профорганизациями обычно в нескольких экземплярах. Один из них оставался в фондах местной профгруппы, другие пересылались в губернский комитет отраслевого профсоюза. Сложнее выяснить, каким образом осуществлялась пересылка протоколов третьей инстанции — Губернскому совету профсоюзов (Губпрофсовету) и определить, посылался ли третий экземпляр или происходила передача части протоколов от отраслевых к губернским профструктурам. В целом же протоколов низовых профсобраний в фонде Губпрофсовета немного и можно обратить внимание, что в них, как правило, отражены конфликтные ситуации или политические дискуссии на предприятиях. Не исключено, что такие документы направлялись в Губпрофсовет как информационный материал для оценки положения в целях быстрейшего улаживания споров. Особо отметим, что в фондах отраслевых профсоюзов и Губпрофсовета можно встретить и фрагменты протоколов — отдельные выписки, и, чаще всего, постановления собраний, содержавшие политические или экономические требования рабочих. Такая практика «тройного» отбора документов в значительной мере способствовала их сохранению: лакуны фондов фабрик и заводов можно восполнить при помощи комплекса протоколов-копий, оставшихся в фондах отраслевых профсоюзов. Многие протоколы представляют собой ма-

пинописный текст, но уверенно указать, какой из них является подлинником, а какой — копией, можно не всегда. Изредка встречаются рукописные тексты протоколов, даже со следами редакторской правки, но едва ли стоит во всех случаях оценивать их как черновик, предваряющий составление собственно протокола. Нельзя исключать, что в ряде случаев перед нами лишь единственный экземпляр записи. В некоторых весьма аккуратных подборках всех протоколов в фондах низовых профорганизаций можно обнаружить только эту правленную рукопись, причем ее место в данном составе документов строго определено порядковым номером и временем составления.

Почти все протоколы имеют полные или несколько сокращенные заголовки, где содержится информация о месте и составе участников, времени собрания. В ряде случаев в протоколах также указаны число присутствующих, точное время открытия и закрытия собрания, состав президиума. Протоколы обычно подписывались председателем и секретарем собрания. Некоторые из них, однако, не содержат информации о времени и месте собрания, но это можно объяснить, исходя из отмеченных здесь общественно-политических и социально-экономических реалий, по записям о получении документов в вышестоящих организациях, по пометам в тексте.

В начале 1920-х гг. было несколько типов фабрично-заводских собраний. Наиболее часто в 1918–1923 гг. созывались общие собрания всех рабочих и служащих, занятых на предприятии, и делегатские собрания, в которых участвовали представители (делегаты) от рабочих. Проводились, хотя и очень нерегулярно, и «смешанные» собрания, в которых участвовали члены фабзавкомов, коллективов РКП(б), делегаты, уполномоченные от рабочих и женщин — в различном сочетании. Протоколы делегатских собраний, как правило, более кратки, чем протоколы общих собраний. На них присутствовали лица, зачастую подобранные не без помощи фабзавкомов и партячеек, и дискуссии здесь возникали редко, в отличие от собраний всех рабочих предприятия. Делегатские собрания обычно занимались предварительным обсуждением вопросов, выносимых на рассмотрение общих собраний. Но часто можно обнаружить, что по тем решениям, которые почти единогласно и без дискуссии одобрялись делегатами, именно на общих собраниях возникали многочисленные споры.

Протоколы, в соответствии с уже устоявшейся тогда традицией, имели почти одинаковую структуру: а) описание доклада; б) описание прений; в) постановление. Текст разделялся обычно на две части: «слушали» (где и содержались записи доклада и прений) и «постановили», в которой помещалось решение собрания. Но этой структуры придерживались не всегда. Иногда протокол был оформлен как докладная записка.²¹⁹ В ней не было жесткой «протокольной» схемы и обязательных «слушали—постановили», а заключающая ее фраза: «Собрание прошло спокойно. Настроение удовлетворительное» отчасти повторяла записи наблюдений, привычных для докладов информаторов. Но сам текст этой записки представляет собой подробное описание повестки дня собрания, основного доклада, выступлений в прениях и решения рабочих, т. е. является фактически воспроизведением той канвы, которая была присуща протокольным документам. Это позволяет с большой долей уверенности предположить, что перед нами именно протокол, а форма докладной записки является элементом бюрократической обработки документа при передаче его как информационного материала в вышестоящие инстанции — в данном случае в Петроградский Губком Всероссийского союза рабочих металлистов (ВСРМ).

Несколько модификаций имело и постановление собраний. Обычно оно встречается в трех вариантах. Часто после доклада можно встретить помету «принять к сведению». В том случае, когда обсуждались «текущий момент» и общее положение в России, принималось развернутое политическое постановление. В других случаях, если решались хозяйственно-бытовые вопросы или происходили выборы депутатов и делегатов в различные органы, допускалась просто краткая запись решения по этим вопросам. Иногда, однако, сложно отделить запись изложения речей ораторов от «резюмирующей» части протокола. Так, в протоколе общего собрания рабочих Голодаевской писчебумажной фабрики 7 июля 1921 г.²²⁰ можно обнаружить следующий фрагмент текста, помещенный в разделе «Постановили»: «Рабочие слушали со вниманием, что работать, сказали мы, согласны, но с данными предложениями не согласились, пока Союз

---

²¹⁹ Докладная записка об общем собрании рабочих 8-го отделения завода Погарз 5 апреля 1921 г.: ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 11. Л. 38—40.

²²⁰ Там же. Ф. 6014. Оп. 5. Д. 5. Л. 41.

не примет более точных мер». Уже наличие здесь прямой речи (правда, не отмеченной особой пунктуацией) показывает, что это продолжение записи выступлений на собрании — особенно если учесть, что данный текст связан с предыдущим описанием тех предложений, которые были сообщены рабочим. Но поскольку речь рабочих имела «итоговый» характер, что присуще и любому постановлению, то фиксация ее именно в разделе «Постановили» представляется вполне оправданной. С такими специфическими приемами стенограммы можно встретиться и в протоколах другого собрания голодаевских рабочих,²²¹ где постановление имеет следующий вид: «После прений было приступлено к голосованию, причем рабочие единогласно отказались работать при трех воздержавшихся, которые были за работу».

Другой случай «исключения из правил» можно обнаружить, знакомясь с протоколами общего собрания рабочих завода минеральных вод «Аэрофор» 7 июня 1918 г.²²² Мы встречаем в его «постановляющей» части такую запись (сохранена орфография и синтаксис): «Поступило уволить из завода тов. Гавриила [Иванова] мативируем в том, и то Гавриил избрал себя делигатом, но мы, рабочие, делигатом не избирали — Гавриил состоит делигатом не от рабочих, а от хозяина и соблюдает его интересы и эксплуатирует и за известного агитатора, и что он в заводе не находится, а ездит по заводам и развозит прокламации, чтобы все рабочие заведения минеральщиков и квасников откололись от союза и от пивников и тогда нашим кулакам будет легче эксплуатировать наших товарищей рабочих». Здесь, как видим, постановление больше всего похоже на некое обвинительное заключение. Специфика лексики и синтаксиса документа вызывает сомнение в том, что он составлялся «коллективно» — столь явно проступает тут своеобразие личности стенографа. Если принять во внимание форму документа, то можно отметить, что это скорее не постановление, а донос — прошение о принятии мер с обычными в таком случае мотивировками. Сопутствующие документы подтверждают это предположение. Из них выясняется, что приехавший на завод секретарь секции минеральщиков профсоюза пишевииков поместил «в протоколе собрания

---

²²¹ Протокол общего собрания рабочих Голодаевской писчебумажной фабрики 12 июля 1921 г.: Там же. Л. 42–43.

²²² Там же. Ф. 6261. Оп. 3. Д. 30. Л. 91.

не голосовавшее постановление об увольнении рабочего Гавриила Иванова, делегата завода... и подсунил протокол рабочим для подписи».²²³ Таким образом, становится очевидным, что личной записке была придана форма постановления собрания для того, чтобы представленные тут аргументы приобрели особую убедительность.

Говорить о том, что все структурные части протокола составлялись стенографом с равной полнотой, в большинстве случаев нельзя. Как правило, довольно подробно излагались доклады о «текущем моменте» и о положении на предприятии, но иногда встречаются и такие протоколы, где о докладе говорится лишь одной строчкой — о том, что он был прочитан, и ком, кто его читал.²²⁴ Особенно часто фиксировались общие и политические доклады в протоколах фабрично-заводских собраний, созываемых во время проведения кампаний по выборам на Беспартийное совещание рабочих Петрограда весной 1921 г. и в Петроградский совет (Петросовет) осенью 1921 г.²²⁵

Прения приводятся в протоколах более редко. Как правило, это краткое изложение выступления, но зачастую стенограф ограничивается тем, что сообщает лишь фамилии выступавших. Наиболее часто и подробно прения фиксировались в тех случаях, когда на собраниях возникали политические и производственные споры, хотя и тогда запись осуществлялась не всегда. Не исключено, что пропуски в протоколах в таких случаях могли восприниматься как искажение позиции спорящих сторон.²²⁶

Иногда стенограф производил отбор записей выступлений в прениях, выделяя лишь те из них, которые имели особое значение для выработки итогового постановления собрания. Так, в протоколе общего собрания рабочих и служащих Балтийского судостроительного и механического завода 27 января 1921 г.²²⁷

---

²²³ Там же. Л. 93.

²²⁴ См., например, протокол общего собрания рабочих и служащих Балтийского судостроительного и механического завода 27 января 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 25).

²²⁵ Типичным образцом здесь является протокол общего собрания рабочих и служащих 1-й гос. электростанции 8 апреля 1921 г. (Там же. Д. 14. Л. 122–122 об.).

²²⁶ Отметим такой случай: в протоколе делегатского собрания Невского судостроительного и механического завода 31 марта 1921 г. доклад не приводится, но прения по докладу воспроизведены с весьма редкой для этих документов полнотой (Там же. Д. 13. Л. 91–92).

²²⁷ Там же. Л. 25.

вместо изложения прений можно обнаружить запись трех предложений, высказанных в ходе заседания, по которым предстояло голосовать рабочим. Довольно редкий вид стенографирования прений — обобщенное их изложение по какой-либо одной проблеме — можно обнаружить в протоколе общего собрания рабочих 1-й государственной электростанции 9 февраля 1921 г.²²⁸ Суммировав мнения разных ораторов по тому или иному вопросу, стенограф тем самым систематизировал их и придал им вид некоей сводки требований, что, конечно же, никак не может считаться точной записью выступлений. В данном случае, возможно, скорее сказались не какие-то традиции составления протоколов, а своеобразие приемов стенографа, превращавшего в тезисы все излагаемые им речи. Если обобщенное описание прений структурировано им четко, посредством буквенной нумерации («Все выступавшие товарищи отмечали одни и те же явления: а) важное значение предприятия... в) неудачность опыта разделения рабочих... д) несоответствие норм продовольствия... е) необходимость и возможность выделить станцию в особые условия...»), то в изложении последовавшей затем речи руководителя петроградских профсоюзов Н. М. Анцеловича видно то же «проблемное» структурирование, но уже неявное: «...Тов. Анцелович признал действительно важное значение станции, неудачность... распределения пайков, возможность неправильного незачисления на горячий паек..., скудность снабжения продовольдой и продовольствием...».

Протоколы фабрично-заводских собраний представляют немалый интерес для изучения политической психологии рабочих. Нужно, однако, сделать несколько оговорок. Политические сюжеты можно преимущественно обнаружить в документах 1918—1921 гг. В первые годы НЭПа, в силу разных причин, политический протест рабочих затухает, и, что очень важно, не проявляется столь открыто, как в предыдущее время. Сами рабочие собрания в основном занимались обсуждением хозяйственно-бытовых вопросов и «политики» касались редко. Одобрение политических постановлений стало тогда обычным явлением, но зачастую это действие не было связано с прениями на собраниях и являлось скорее обязательным ритуалом, чем следствием каких-либо политических споров. И наконец, подчеркнем это особо, созыв и проведение собрания являлось публичной акцией.

²²⁸ Там же. Д. 14. Л. 119.

Выявление в ходе его неортодоксальной политической позиции по нравам того времени влекло за собой применение репрессивных мер, что делало речи многих рабочих сугубо осторожными.

Открыто система Советской власти как государственный институт почти не подвергалась критике. Неприязнь рабочих преимущественно вызывали действия лиц, выступавших от имени Советской власти. Вместе с тем общие оценки власти косвенно проскальзывали во многих выступлениях рабочих. Знакомясь с ними, можно обнаружить, что восприятие советских институтов рабочими было сложнее и противоречивее, чем это отражено в их официальных постановлениях. Приведем примеры. На общем собрании рабочих и служащих хлебозавода № 6 3 апреля 1921 г.²²⁹ пробольшевистский наказ Беспартийному городскому совещанию рабочих был одобрен единогласно. Но единогласно от завода делегатом на Совещание был избран некто Плинкаман, который на этом же собрании сказал следующее: «Вся система Советского правительства стоит не на тех рельсах, на которых должна находиться». И здесь же, в протоколе, отмечалось, что Плинкаман — «беспартийный, но сочувствующий Советской власти». Итак, перед нами две казались бы взаимоисключающие версии настроений рабочих. Отчетливо видна специфика политической лояльности и общей массы рабочих и отдельных их представителей: одновременно одобряется и «системный» большевизированный текст и действия человека, критикующего политику большевиков в целом. Рабочий отвергает не некоторые недостатки, но государственный институт как таковой и вместе с тем является «сочувствующим» власти. Возникающая перед историком дилемма, как видим, не может быть сведена к простой дихотомии: критика отдельных недостатков — одобрение политики в целом. Что же перед нами — неумелая мимикрия или особенность политического мышления рабочих? Какой же вывод о политических предпочтениях масс необходимо сделать историку, обнаружившему столь противоречивый текст?

Ответ на эти вопросы отчасти можно дать, приняв во внимание два обстоятельства «частного» и «общего» порядка: специфику стенографирования речи и особенности политического менталитета рабочих, которые отчетливо проявляются в других политико-психологических свидетельствах. Речь Плинкамана

²²⁹ Там же. Ф. 6216. Оп. 6. Д. 61. Л. 14—14 об.

здесь очевидно записана очень кратко, «тезисно» и заметны лакуны там, где могли быть высказаны защищавшие его точку зрения аргументы или какие-либо иные пояснения. Их нет, зато мы встречаем примечательное изложение его взглядов: «В настоящее время наблюдается бюрократизм и волокита и нет ... лозунгов... 25 октября 1917 г.». О том, какие из октябрьских лозунгов он счел исключенными из тогдашней политической практики, оратор умолчал, но отметим, что обвинения госучреждений в бюрократизме являлись в то время обычным элементом именно не «системной», а частной критики государственных установлений, не отрицавшей значимости государственной системы в целом. Именно рассуждения о бюрократизации служили аргументом для оправдания власти: виновата не система, виноваты бюрократы, разрушающие эту систему.

Подчеркнем и другое обстоятельство. Рабочий в первые послереволюционные годы, как правило, обладал суммой лишь некоторых, зачастую примитивных политических представлений, которые ни в коей мере не могли быть оценены как целостная, подробная и разветвленная политико-идеологическая программа. «Вся система» в его восприятии в реальности заметно отличалась от тех ее определений, которые обычно используют историки. Для рабочего, в силу ограниченности его политического кругозора, «вся система» могла быть сведена к двум-трем ее ипостасям — и зачастую так и происходило, если принять во внимание рабочие документы 1917–1920-х гг. Особенностью политического мышления рабочих было то, что оно не предполагало всеобъемлющей и системной политической критики. Рабочий отмечал лишь те или иные наиболее задевающие его недостатки — и для него уже наличие их служило достаточным основанием для определенного политического вывода. Рабочий Плинкман, выступавший, казалось бы, с системной критикой, особо выделил лишь частные недостатки — бюрократизм и волокиту, в общественном восприятии как раз и оцененные как помехи социализму. К тому же он посетовал на отсутствие октябрьских лозунгов, т. е. оказался даже «социалистичнее» тех, кого он обвинял. «Сочувствие» к властям здесь обнаруживается хотя и не открыто, но несомненно, характеристику оратору, данную стенографом, поэтому можно принять, а позицию собрания, несмотря на обнаруженные противоречия, мы вправе все же счесть вполне логичной. Большевизированный наказ

Совещанию как раз обращает внимание на то, чего не сделано и что надо сделать — и здесь близость с Плинкманом, также стремившимся «улучшить» социализм, прослеживается явно.

Таким же противоречивым документом, требующим от исследователя чтения «между строк», является протокол общего собрания 1-й Государственной конфетно-шоколадной фабрики 5 февраля 1919 г.²³⁰ Здесь возник конфликт между ревизионным отделом ПСНХ и правлением, фабкомом и контрольной комиссией фабрики. Последние обвинялись «в попустительстве массового хищения рабочими готовых изделий с фабрики, в незаконной выдаче рабочего пайка, отпуске мягкой карамели в рабочий кооператив, в расхищении государственного достояния», т. е. в преступлениях экономических. Но вот как излагает причины данного спора постановление общего собрания, принятое единогласно: «Усматриваем в этих обвинениях не что иное, как дискредитирование наших ответственных товарищей и наших рабочих организаций, взрывание изнутри и подрыв Советской власти, ибо они со своими юридическими познаниями, засевши в советских учреждениях, от безделья и саботажа... придираясь к тому, что не соблюдены формальности, так знакомые чиновникам...». Постановление требовало «самого широкого расследования от рабочих и партийных организаций, а не от того учреждения, где наполовину сидят саботажники». Негативное отношение к «подрыву» Советской власти, дискредитации полугосударственных профсоюзов и саботажу чиновников, равно как и признание коммунистов арбитрами в споре, здесь, как видим, выражено отчетливо. Принять эти изъяснения политической лояльности за чистую монету однако трудно, если учитывать причину конфликта. Экономический спор сразу же переводится в сферу политики не случайно. Использование именно политических формулировок или обвинений как приема самозащиты привычно для многих рабочих прошений и жалоб, а данное постановление фактически и является такой жалобой, несмотря на свое «протокольное» оформление. В этом контексте критика чиновничества, обычная для оппозиционных документов, выглядит уже знаком одобрения власти.

Приведем и еще один пример. На заседании уполномоченных от рабочих фабрики «Скороход» 29 января 1921 г.²³¹ речь

²³⁰ Там же. Оп. 4. Д. 46. Л. 24.

²³¹ Протокол заседания уполномоченных от отделений фабрики «Скороход» 29 января 1921 г.: Там же. Ф. 1776. Оп. 23. Д. 3. Л. 31—32.

не шла о «политике» — говорили о прогулах. Один из выступавших сетовал на то, что члены заводоуправления ввиду занятости не могут находиться в отделениях и «убеждать рабочих, что в настоящее время наша Советская Россия — это действительно наша». Из этого замечания, казалось бы, нетрудно сделать вывод о том, как рабочие относились к власти — если не принять во внимание контекст спора. Рабочие допускали прогулы не потому, что не считали Советскую Россию «своей», а вследствие различных обстоятельств «материального» порядка. Здесь имели значение голод, низкие расценки труда, отсутствие общественного транспорта, обязанность выполнять ввиду простоев «черную», непрофессиональную работу. Для заводской администрации использование именно политических аргументов против прогулов оправданно — возможно, другие из доводов оказались неэффективными. Установление зависимости между прогулами и «политикой» здесь может быть расценено как поиск инструментов воздействия на рабочих, а не как фиксация реального положения дел. Разумеется, нет оснований обвинять администрацию в каких-либо натяжках или даже в фальсификации. Существование зависимости между тем, считают ли рабочие «своими» государство в целом и фабрики в частности, и тем, допускают ли они прогулы на «своих» предприятиях, представляется вполне логичной. Но основываться только на таком формальном подходе, игнорируя специфику трудовых конфликтов в начале 1920-х гг., нельзя. Можно встретить немало свидетельств о том, что рабочие, одобрявшие государственную политику, тут же угрожали забастовкой, если их экономические требования не будут удовлетворены.

Элементы косвенной критики государственных учреждений довольно часто можно обнаружить в протоколах фабрично-заводских собраний. Иногда она проявляется в том, что подвергаются сомнению разные трактовки причин экономических трудностей.²³² Фраза одного из выступавших на общем собрании рабочих и служащих 1-й государственной словолитни 25 апреля 1921 г. — «власть должна принадлежать рабочим массам»²³³ — также может быть оценена двояко: и как элемент обычных для

²³² См. выступление рабочего Парадника на делегатском собрании завода «Большевик» 26 декабря 1923 г. «Положение завода как будто бы улучшается, но не улучшается положение рабочих. В прошлом как говорили: “Потерпите, сейчас война, мы должны отразить врагов”» (Там же. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 12. Л. 206).

²³³ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 96–96 об.

того времени «агиток», и как свидетельство недовольства рабочих. Последнее могут иллюстрировать и реплики на собрании о том, что не выполняются наказания, данные при перевыборах в Петросовет.²³⁴ Определенный интерес для исследователя политической психологии масс в данном контексте представляет сходство содержания прений с содержанием постановлений, явившихся итогом собраний. На общем собрании рабочих Центральных ремонтных мастерских государственных типографий 15 мая 1920 г.²³⁵ один из ораторов «призывал в речи дать отпор врагу и записываться в добровольцы на польский фронт». Собрание же реагировало на его призыв следующим постановлением: «ответим на дерзкий вызов панов тем, что удвоим нашу трудовую дисциплину и повышенной производительностью работы в тылу, чем окажем поддержку фронту». Не исключено, конечно, что постановление готовилось заблаговременно, но все же примечателен диссонанс между призывом к рабочим и ответом на него.

Особо пристального рассмотрения требуют те случаи, когда рабочими нарочито подчеркивается различие ими критики Советской власти как таковой и ее бюрократических учреждений. На делегатском собрании Невского судостроительного и механического завода 31 марта 1921 г.²³⁶ один из ораторов, в частности, заявлял: «Рабочие вправе быть недовольными тем, что Советская власть дискредитируется плохими исполнительными элементами». Это может быть оценено как косвенное одобрение власти, но нужно иметь в виду, что сказаны эти слова были скорее всего (как следует из контекста) руководителем местного профкома. Если учесть, сколь часто профсоюзные чиновники стремились разъяснить рабочим, что в их трудностях виновата не власть, но бюрократы, ей противящиеся, то необходимо признать, что такая реплика — всего лишь элемент пропагандистского воздействия, а не изложение позиции рабочих. Такая же двусмысленность свойственна и выступлению другого оратора на этом же собрании, заявившего: «Всякий рабочий, пробывший у власти более полугодя, становится бюрократом чуть ли не прежнего типа». Правда, он сразу оговорился о том, что «считает необходимым через каждое полугодие обновлять состав наших правителей путем перевыборов на их места дру-

---

²³⁴ Там же. Ф. 6014. Оп. 5. Д. 5 Л. 56—56 об.

²³⁵ Там же. Ф. 4804. Оп. 4. Д. 19. Л. 81.

²³⁶ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 91—92.

гих людей из числа рабочих». Однако его первая реплика весьма красноречива: виноватым оказывается не столько бюрократ, сколько та система, которой он служит. «Пусть они примут меры против тех, кто ездит на автомобиле, кто пристроился к Советской власти» — читаем мы о выступлении в прениях одного из ораторов, Панкина, в другом документе — протоколе общего собрания рабочих и служащих Невского судостроительного и механического завода 2 апреля 1921 г.²³⁷ Эти слова здесь же были поддержаны еще одним выступавшим — Васильевым, особенно ярко клеймившим тех, «которые присоседились в центрах и живут лучше, чем в старое буржуазное время», тех, «кто разъезжает в салон-вагонах, в автомобилях, которые жрут, как коровы». В первом случае оратор сопровождает свою речь оговоркой: «пристроился» — она может быть даже оценена как признак косвенного различия власти и лиц, ее дискредитирующих. В другом случае такой оговорки нет, но здесь обличение лишено отчетливо политического оформления: критикуется собственно лишь получение материальных льгот.

Отчасти выражением косвенной антигосударственной критики можно счесть требование ревизии государственных органов, сокращения штатов и вообще громоздкости учреждений, прекращения «кумовства» при назначении на должности. Политизация их оттеняется отчетливо, когда эти требования выдвигаются вкупе с оппозиционными лозунгами и являются как бы частью программы политической демократизации. С другой стороны, нельзя не замечать и оговорок, сопровождавших такие требования — контекст здесь очень важен. В постановлении общего собрания рабочих и служащих завода «Арсенал» 11 февраля 1921 г.²³⁸ есть требование «уничтожить бюрократизм, рост канцелярщины и чиновничества», но тут же содержится и следующее его разъяснение: «за счет более производительного и полезного для страны труда». Тем самым существенно смягчается политическая направленность антибюрократических лозунгов. Весьма важно и помещенное в этом пункте постановления замечание о том, что ликвидация бюрократизма позволит «положить конец росту новой советской буржуазии». Если первая оговорка об общегосударственной пользе лишь вскользь отмечала политическую лояльность рабочих, то здесь

²³⁷ Там же. Л. 96—99 об.

²³⁸ Там же. Л. 174.

она нарочито подчеркнута антибуржуазным выпадом. Похожие оговорки можно обнаружить и в других рабочих документах. В поправках к наказу Беспартийному совещанию, одобренных делегатским собранием рабочих Трубочного завода 5 апреля 1921 г.²³⁹ предлагалось «сократить громоздкость учреждений до минимума, увеличить тем самым число лиц, занятых действительно производственным трудом». Именно мотивация антибюрократических действий служит в данном случае знаком политического конформизма. Требование общего собрания рабочих и служащих 2-й государственной электростанции 8 апреля 1921 г.²⁴⁰ — «принять меры к наибольшему сокращению советских организаций, где руководящим органом должны быть рабочие» — подчеркивает эту проблему несколько по-другому, с точки зрения пролетарской «чистоты» чиновничества, но и в этом случае, как видим, политическую оппозиционность обнаружить трудно.

Сокращение учреждений и вовлечение в их работу прежде всего пролетариев — вот две главных ноты, которые прослеживаются в низовых антибюрократических выступлениях. Сокращение штатов учреждений — это ведь не ликвидация государственных институтов, а скорее технократическая акция, позволяющая сделать их работу более эффективной и полезной для низов — никакой политической подоплеки здесь нет. Тем более нет ее и в разговорах об «орбочивании» госаппарата. Уже одно настойчивое пожелание «пролетаризации» госучреждений есть выпад не столько против Советской власти, сколько против старого (т. е. «буржуазного») чиновничества, якобы узурпировавшего права рабочих. Борьба против чиновников оказывается, таким образом, борьбой за чистоту Советской власти — и в этой ситуации амплитуда оппозиционных проявлений становится крайне малой.

Особо следует сказать о лозунге перевыборов Советов, выдвигавшемся в 1918–1921 гг. Его менее всего можно было считать выпадом против советской системы, если не учитывать двух обстоятельств. Прежде всего отметим, что этот лозунг был

---

²³⁹ Там же. Д. 14. Д. 11–11 об.

²⁴⁰ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. д. 71. Л. 1–1 об. Во многом эти требования повторяются в поправках к наказу Беспартийному совещанию, одобренных на общем собрании завода «Сименс» 9 апреля 1921 г.: «Добавить на заводы служащих конторского труда..., вернуть всех квалифицированных рабочих в заводы, как то: из продотрядов и советских учреждений» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 14. Л. 80–80 об.).

предложен социалистами впервые в 1918 г. и затем узаконен на Всероссийской конференции РСДРП(м) в январе 1919 г. — вместо прежнего лозунга «Власть Учредительному собранию». Это был именно лозунг политических оппозиционеров и не случайно в 1921 г. он наиболее отчетливо формулировался как раз в тех антиправительственных постановлениях, которые предлагались меньшевиками. Кроме этого, нельзя не обратить внимание и на оговорки, которыми сопровождалось выдвижение данного лозунга в рабочих документах зимы—весны 1921 г. В постановлении комиссии рабочих Балтийского завода (февраль 1921 г.)²⁴¹ перевыборы предлагалось провести тайным голосованием. О том же говорилось и в постановлении общего собрания рабочих 15-й Государственной типографии 7 марта 1921 г.²⁴² Отметим сразу, что оговорка о тайном голосовании несомненно имела политический смысл: этим косвенно высказывалось недоверие к практике выборов «по-советски». Подчеркнем, что именно партячейки на предприятиях особенно настойчиво выступали за открытое голосование — это хорошо видно, когда знакомишься, например, с документами тех лет о перевыборах заводских комитетов. Правда, в постановлении балтийцев содержалось разъяснение: «для тех, кто имеет право участвовать в перевыборах». Но в последующие недели, начиная с конца марта 1921 г., мы чаще прочего встречаем в рабочих документах требования всеобщего и равного голосования для всех жителей Петрограда. А это было уже весьма далеко от тех оснований, которые отличали систему Советов — но весьма близко к «учредительской» схеме демократии. Таким образом, лозунг перевыборов Советов отчасти маскировал другие лозунги — «учредительские» — и потому трудно придавать ему исключительно «советское» обличье.

Политические аспекты можно обнаружить и во многих рабочих акциях, имевших в первую очередь экономическую подоплеку. Характерный пример — споры вокруг привилегированных пайков, выдаваемых «ответственным» партийным и советским работникам. Политический оттенок дискуссия о пайках приобрела тогда, когда прямо отмечалось партийное или политическое положение тех лиц, которые пайки получали. В частности, в постановлении общего собрания рабочих и служащих

²⁴¹ Там же. Д. 8. Л. 42—42 об.

²⁴² Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 64.

2-й Государственной электростанции 8 апреля 1921 г.²⁴³ после пункта, гласившего: «Всякие привилегированные пайки отменить» сразу же следовал другой: «Отменить всякие привилегии партийным». В наказе общего собрания рабочих и служащих 5-го ремонтно-строительного завода 6 апреля 1921 г.²⁴⁴ также требовалось «упразднение всех пайков: ответственных и привилегированных без исключения, как профессиональным, так и партийным работникам». Политические элементы в этой дискуссии ощутимы и в том случае, когда обсуждалась правомерность разделения трудящихся по особым пайковым разрядам в «пролетарском государстве». «Во времена самодержавия нас... разбивали на два класса, класс привилегированных и класс неимущих. И тогда это деление оправдывалось и основывалось на капиталистическом строе, ну а теперь, что при коммунистическом строе, который признает братство и равенство, почему теперь существуют эти деления?» — спрашивал один из выступавших на собрании рабочих и служащих Невского судостроительного и механического завода 2 апреля 1921 г.²⁴⁵ Отметим, правда, что в таком случае мы наблюдаем скорее критику «слева», содержание которой определяли не нападки на политическую систему, а протест против искажения ее основ.

Необходимо также учитывать и другое обстоятельство. Во многом критика «ответственных» пайков была инициирована спорами между самими рабочими о том, кто из них достоин был лучшего обеспечения продовольствием. Естественно, что возникали и обвинения «спецев» в том, что они необоснованно получают «усиленные» пайки — а это нередко оформлялось эгалитаристскими или даже социалистическими лозунгами и сопровождалось антибуржуазной риторикой. Политические наслоения в значительной степени были свойственны лозунгам свободы торговли и свободы труда, особенно часто выдвигавшихся рабочими в начале 1921 г. Поскольку запреты на торговлю и свободный переход на другие предприятия являлись одними из главных рычагов политики военного коммунизма, то выступления против них, как бы ни подчеркивали при этом свою лояльность рабочие, объективно были именно политическими выпадами. Отметим и такую деталь: радикализацию тре-

---

²⁴³ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 11. Л. 123.

²⁴⁴ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76.

²⁴⁵ Там же. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 13. Л. 93—95.

бований свободной торговли и свободы труда на протяжении нескольких месяцев зимы и весны 1921 г. Сначала они были довольно умеренными, в них прослеживалась ориентация не на полную ликвидацию запретов, но только на их смягчение, причем в ряде случаев прямо-таки ритуальной стала оговорка о том, что это помогает улучшить положение Советской Республики. Но уже в марте-апреле 1921 г. ситуация изменилась. Пункты о свободной торговле и свободном труде стали обязательной принадлежностью антиправительственных рабочих документов, во многом инициированных оппозицией. В них говорилось уже не об изменении правил поездок за продуктами и учете интересов рабочих при определении места их работы — но о полной ликвидации всех запретов, и даже о невмешательстве государства в товарообменную практику рабочих и о снятии всех «крепостных» (именно так их откровенно и называли) стеснений в сфере трудовых отношений.

Прямые политические отклики мы можем наблюдать обычно в тех случаях, когда рабочими оцениваются социалистические и другие оппозиционные партии, когда они выдвигают лозунги свободы слова и свободы печати. Оценки социалистов высказывались, с одной стороны, в общих докладах руководителей местных партийных и профсоюзных органов на собраниях (и здесь они были скорее отражением официальной позиции, чем личных взглядов докладчика), а с другой стороны — в выступлениях, в прениях, в репликах, выкриках с мест рабочих — т. е. в той ситуации, когда такие оценки могли быть высказаны лишь мимоходом, кратко. В выступлениях докладчиков на рабочих собраниях социалистам приписывалась инициатива различных акций, их роль и значение сильно преувеличивались. Но нужно иметь в виду, что это не столько являлось следствием реальных поступков оппозиционеров, сколько было элементом их идеологической дискредитации. Защита социалистов либо выступления против них рабочих зафиксированы в ряде протоколов фабрично-заводских собрания, но следует учитывать и тот контекст, в котором осуществлялись эти действия. На делегатском собрании Невского судостроительного и механического завода 31 марта 1921 г.²⁴⁶ один из выступавших, Кутын, заявил, что «беспартийные не могут согласиться с толкованием докладчика о причинах “волынки” на наших заводах, создан-

²⁴⁶ Там же. Л. 91–92.

ных якобы агитацией враждебных правительству политических партий». Он считал, что «агитировали в данном случае представители нашей власти, получавшие ответственные и другие пайки и жившие почти в полном довольстве, тогда как рядовые рабочие буквально голодали». Очевидно, что перед нами не столько апология социалистов, сколько обвинение властей. Оратор оценивает нападки на социалистов не как несправедливый упрек, но прежде всего как ширму, с помощью которой выгораживали себя чиновники — и как раз разоблачение чиновников его интересует здесь больше всего. Точно так же можно оценить и выступление на общем собрании рабочих и служащих завода Тюдор 24 февраля 1921 г.²⁴⁷ некоего Виноградова: «Во всем виновата власть, сваливающая все ... на эсеров и меньшевиков». Ничего о социалистах он больше не сказал, но говорил о «дутых победах труда», о лживости сообщений о кризисах за рубежом, о необходимости переизбрать Петросовет — т. е. перечислял то, что собственно, касается властей, а не их оппонентов. В выступлении делегата на Беспартийном совещании рабочих (апрель 1921 г.) Медведева на собрании рабочих и служащих Центральной государственной фабрики прозодежды 6 мая 1921 г.²⁴⁸ [Док. 20] нападки на меньшевиков в целом сопряжены с нападками на заводского меньшевика Лившица. Он «начал с того, то упомянул о той вредной работе, которую меньшевики, вроде Лившицев, ведут среди рабочих масс, именно тогда, когда она начинает принимать сурьезный и деловой характер, как на наших собраниях работу тормозят наши меньшевики, вроде Лившица, так и на общегородском совещании были свои Лившицы, пытавшиеся сорвать деловую работу совещания, превратить ее в политический митинг». Уже по тону полемики видно, что в этих обвинениях проявилась не только политическая неприязнь, но и личное раздражение. Заметно, что именно Лившиц, а не его безымянные «соратники» на Совещании, был главным объектом филиппик, причем накал обвинений был таков, что делегату Медведеву рабочие не дали закончить его доклад. Никакими политическими предпочтениями это не мотивировалось, и скорее всего импровизации Медведева были просто оценены как недопустимый личный выпад: сам же доклад был принят к сведению, выступавших в

²⁴⁷ Там же. Оп. 5. Д. 14. Л. 103.

²⁴⁸ Там же. Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 4—4 об.

защиту меньшевиков, помимо самого Лившица, здесь не было. Отметим, однако, что в ряде случаев публичные оценки меньшевиков обуславливались даже не предпочтениями рабочих, а их опасениями подвергнуться репрессиям. На заседании представителей мастерских и заводоуправления Обуховского завода 19 июня 1922 г., в частности, решение о выходе рабочих на антиэсеровскую демонстрацию было predetermined словами председательствующего о том, «как бы отразился на положении рабочих невыход на демонстрацию».²⁴⁹

Лозунг свободы слова и печати в выступлениях рабочих обсуждался редко и почти столь же редко выдвигался в коллективных фабрично-заводских документах. В общественном восприятии существовала как бы градация предложений о свободе слова и печати по степени их политической лояльности: если данный лозунг предлагался без оговорок и не заменялся эвфемизмами («улучшать освещение событий в прессе», «публиковать в рабочей печати фабрично-заводские постановления» и т. п.), то в глазах чиновников он выглядел подозрительным и даже, как это произошло на общем собрании рабочих и служащих завода Дека 5 апреля 1921 г., следовал жесткий ответ: «свобода слова и печати для рабочих есть, а буржуазии мы не дадим».²⁵⁰ Наиболее радикально пункты о свободе слова и печати формулировались в рабочих постановлениях весны 1918 г. и зимы—весны 1921 г. и во многом эту радикальность следует объяснить активностью социалистов. Однако большинство выступлений в защиту слова и в это время отличались умеренностью, их сопровождали оговорки о том, что это нужно в интересах советской Республики, для борьбы с недостатками. Такой подход проявлялся даже тогда, когда, казалось бы, протест против запретов на свободное слово звучал весьма жестко. На собрании рабочих и служащих завода Новое Адмиралтейство 16 мая 1921 г.²⁵¹ один из выступавших объяснял возникновение «волынок» «лишь тем, что у рабочих нет никакого желания принимать участие ни в каких делах из-за отсутствия свободного слова и печати, так как рабочий не имеет права высказать своего мнения, боясь преследований» — но несмотря на определенный пафос этой речи и элементы «системной» критики, ее мо-

---

²⁴⁹ Там же. Ф. 1275. Оп. 13. Д. 3. Л. 11.

²⁵⁰ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 14. Л. 52.

²⁵¹ Там же. Д. 13. Л. 47.

тивационная часть вполне благонамеренна и традиционна для изъявления политической лояльности. Подчеркнем, что даже в политическом постановлении рабочих и служащих 5-го ремонтно-строительного завода 6 апреля 1921 г.²⁵², где нашлось место и лозунгам перевыборов Советов «на основе всеобщего избирательного права, прямым, явным, тайным голосованием» и полной амнистии «всем политическим заключенным за свои политические убеждения», — и там отмечалось, что свобода слова и печати необходима «для правильного течения государственной жизни». Впрочем, и прекращение террора здесь предлагалось ввиду того, что «это не умиротворяет жизнь Советской России, а только возбуждает рабочие и крестьянские массы против Советской власти».

Вопрос о том, насколько искренне здесь выражались настроения рабочих и не обнаруживаем ли мы тут специфический прием самозащиты от политических обвинений, требует, конечно, особого рассмотрения. Не исключено, что первоначально источником раздражения рабочих было именно утаивание официозной прессой правдивой информации — не обязательно информации политической, а касающейся, например, бытовых нужд рабочих. Это раздражение могло быть впоследствии использовано социалистами, как правило, придававших примитивным устремлениям рабочих иной, политический регистр сложности — но мотивация низовых протестов оставалась в рабочих документах как реликт, указывавший на их происхождение. Эти реликты можно обнаружить во многих источниках, в т. ч. и косвенных. Так, на делегатском собрании Невского судостроительного и механического завода 31 марта 1921 г.²⁵³, слушавшем доклад представителя ВСРМ, один из его участников, Борткевич, обратил внимание на то, что «из доклада мы узнали не больше того, что уже знаем из газет». Это признание характерно уже тем, что выявляет не сколько восприятие слушателем доклада, сколько отношение его к прессе вообще. Это обнаруживается, когда читаешь дальнейшее изложение реплики Борткевича: «Поэтому просит пояснить подробнее о положении дел внутри страны, т. к. в ходе событий чувствуется что-то неясное, а недоговоренность создает разноречивые толки в массах...». Итак, выясняется, что оратор недоволен содержанием газет, хотя и не говорит об этом прямо — но здесь же мы снова

²⁵² Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76.

²⁵³ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 91–92.

встречаем примечательную оговорку, стремящуюся нейтрализовать возможный политический оттенок вопроса.

Протоколы фабрично-заводских собраний, как и другие документы по истории политической ментальности, требуют очень осторожного подхода, когда речь заходит о полноте и точности изложения взглядов различных людей. Прежде уже приходилось говорить о том, насколько сложно оценивать постановления собраний как документ, отражающий настроения рабочих. Отчасти это можно сделать, обнаружив близость содержания стенограммы прений на собрании и его итогового документа. Так, постановление общего собрания рабочих Балтийского судостроительного и механического завода 10 февраля 1921 г.²⁵⁴ [Док. 21] очень конкретно, требования его сформулированы кратко и оно не содержит риторических прикрас и тесно связано с прениями, возникшими на собрании. Обратим также внимание на содержащуюся в протоколе фразу: «предложение Анцеловича [об избрании комиссии для выявления нужд рабочих] принимается со следующими наказами» — далее помещен перечень требований, насчитывавший свыше десятка пунктов. Слово «наказ» здесь употреблено во множественном числе: этим или отмечалась многочисленность пунктов или, что тоже нельзя отметить, факт разных поправок («наказов») с мест. В пользу последнего можно привести следующие аргументы. Обычно в рабочих документах слово «наказ» приводится в единственном числе и означает систематическое изложение требований. Использование же этого термина во множественном числе допускается очень редко и косвенно указывает на фрагментарность, разрозненность постановления. В этом можно убедиться, если, во-первых, оценить степень стилевой унификации пунктов. Некоторые из них просто отмечают какой-либо вопрос: «снабжение рабочих и их семейств предметами первой необходимости», «снабжение рабочих прозодеждой и обувью», но другие содержат и описание мер, которые должны быть предприняты для улучшения быта: «пересмотреть распределение... пайка», «улучшить положение работающих на дровах». Поэтому возникают сомнения в том, предпринималась ли здесь синтезирующая редакция пунктов, а значит, предлагался ли изначально какой-либо системный документ и не представляет ли последний собственно конгломерат высказанных в ходе собрания различных замечаний. Во-вторых,

²⁵⁴ Там же. Д. 8. Л. 26–28 об.

примечательны синтаксические отклонения в ряде пунктов, в частности, в пункте втором: «членам Петросовета не занимать должности заведующих столовыми и т. д. и требовать свободного доступа для работы в Центре, [для чего] образовать группу беспартийных». Это обычно происходило, когда такой пункт по мере обсуждения обрастал «разъясняющими» дополнениями. Распадающиеся, не связанные общей синтаксической конструкцией части этого предложения и есть своеобразные «наслоения», ставшие итогом дискуссии. И, наконец, отметим еще одно обстоятельство. Как правило, в предварительно подготовленных и предложенных рабочим общих системных документах соблюдается определенная иерархия требований: сначала формулируются политические пункты, затем те, которые затрагивают общие вопросы экономической жизни всего государства, и лишь потом — те, где освещаются частные, «материальные» запросы: о пайках, одежде, бане.

В постановлении комиссии рабочих Балтийского завода, избранной собранием 10 февраля 1921 г.²⁵⁵, эта иерархия проявляется очень отчетливо. Начинается постановление с требования перевыборов Советов «тайным голосованием», затем говорится о созыве «общегородской беспартийной конференции», протесте против действий ЧК, о «свободной торговле» и только потом начинают перечисляться «житейские» просьбы: об одежде, обуви, пайках, рукавицах, отпусках, сокращении волокиты при выдаче карточек и т. д. Там же, где обсуждение не ограничивается рамками комиссии, т. е. на общезаводском собрании, сразу замечается какая-то хаотичность в чередовании и формулировании требований: перевыборы Советов отмечаются в первом пункте, созыв беспартийной конференции — в одиннадцатом, между ними — пункты о бане, об «откреплении детских карточек от столовых». Какой-то импровизацией кажется и пункт о том, что «членам Петросовета не занимать должности заведующих столовыми» — традиционно почти во всех фабрично-заводских постановлениях это излагалось в «общем виде»: «усилить борьбу с бюрократизмом», «оработить государственный аппарат» и т. д.

Заметим попутно, что импровизации в текстах фабрично-заводских документов, предложенных вышестоящими структурами, также могут указывать исследователю на определенное участие низов в выработке коллективных постановлений.

²⁵⁵ Там же. Л. 42—42 об.

В постановлении делегатского собрания рабочих и служащих завода «Большевик» 26 февраля 1923 г.²⁵⁶ мы встречаем такую фразу: «Заслушав доклад, ... делегатское собрание констатирует, что рост авторитета, благодаря правильной политике наших представителей, достиг высшей ступени». Здесь очевидно упрощение традиционного клише: предложение сокращено (закономерны вопросы: чьего авторитета?, каких представителей?), заметно неправильное словоупотребление («рост ... достиг высшей ступени»). Учитывая канцеляризмы («констатирует»), нельзя исключать того, что текст составлялся не самими рабочими, а кем-то из президиума собрания, но все же с большой долей уверенности можно предположить, что постановление формулировалось именно «снизу», на собрании, и не представляло собой «заготовку», предложенную высшими инстанциями: в этом случае постановления обычно бывали «развернутыми» и не отличались анонимностью. Постановление общего собрания мастеровых Коробочной фабрики 19 июня 1918 г.²⁵⁷ также имеет отпечаток низового творчества, хотя и индивидуального: текст, как следует из его протокола, был предложен одним из «товарищей», избранным в Совет, но сомнительно, чтобы он правильно использовал отшлифованные клишеобразные агитационные формулы: «Депутаты доложили отстаивать Советскую власть», «стремиться к дальнейшему улучшению рабочих и беднейших крестьян».

«Снижение» риторики текста посредством использования разъясняющих, конкретных примеров и вследствие стилистических отклонений, придающих ему определенную фрагментарность — тоже индикатор «низового» творчества. В постановлении общего собрания рабочих Балтийского судостроительного завода 14 января 1921 г.²⁵⁸ пункты разделяются как бы на две части. Первая из них излагает требования, вторая — мотивирует их, говорит о последствиях, которые возникнут, если требования не будут выполнены либо просто уточняют пожелания рабочих: «Требуем, чтобы власть изменила порядок действия заградительных отрядов..., чтобы таковые не отбирали провозимых продуктов у рабочих, едущих в отпуск и их жен, имеющих на это особые удостоверения, выданные по месту службы рабочего», «распустить продотделы, имеющиеся при Союзах,

²⁵⁶ Там же. Ф. 1275. Оп. 13. Д. 8. Л. 3.

²⁵⁷ Там же. Ф. 4804. Оп. 2. Д. 6. Л. 10.

²⁵⁸ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 24.

которые затрачивают много сил и средств, а рабочих не снабжают никакими продуктами, а всю заготовку продовольствия сосредоточить в руках Петрокоммуны». Подробность предложений и отсутствие их литературной отделки — знак того, что они могли, если не составляться, то во всяком случае обсуждаться и дополняться низами. А вот перед нами постановление общего собрания завода «Новый Лесснер» 14 февраля 1921 г.²⁵⁹, о котором точно известно, что оно было предложено членом ЦК РСДРП(м) А. Каменским. Сначала мы видим здесь перечисление исключительно политических лозунгов, которых даже не касались балтийцы: «полной отмены террора над городом и деревней, над рабочими и крестьянами», «восстановления полной свободы слова, печати, неприкосновенности личности и права рабочих и крестьян создавать свои независимые организации и политические партии», а затем следует и «программа-минимум»: «отмены всяких ... привилегированных пайков», «снятия всяких заградительных отрядов, реквизирующих у голодающих петроградских рабочих ввозимые ими продукты», «свободный въезд и выезд из Петрограда». Никаких оговорок, разъяснений и дополнений — одни лозунги, четко и кратко сформулированные, имеющие, как правило, общий характер (отражающие интересы не только рабочих, но и крестьян) и не ограниченные аудиторией только данного завода.

Сама по себе «конспективность», сжатость изложения требований, конечно, не может однозначно свидетельствовать о том, что документ составлялся не рабочими. Но именно отшлифовка лозунгов, широкое использование традиционно употребляемых клише и соотнесенность их с основными постулатами оппозиционных партий обращает на себя особое внимание и сигнализирует о необходимости осторожного подхода к такого рода документам. В частности, в постановлении рабочих завода «Сименс» 1 февраля 1921 г.²⁶⁰ мы обнаруживаем ту же пресловутую краткость. Но оно представляет собой столь своеобразный хаотичный конгломерат частного и общего, протокольных записей, собственно постановления и информационных вкраплений, в котором не соблюдены ни синтаксис, ни обычная иерархия требований, что вряд ли возникнет предположение, будто это

---

²⁵⁹ Протокол общего собрания завода Новый Лесснер 14 февраля 1921 г.: Там же. Д. 12. Л. 167–168.

²⁶⁰ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 315. Л. 17.

кто-то готовил задолго до начала собрания: «1) выражается солидарность ко всем рабочим, оставившим работу. Требуем: свободы слова, свободы печати, продовольствия, полное уравнивание пайков 2. Протестуем о закрытии нашего завода и распределении рабочих на другие заводы. Ни один рабочий на другие заводы не пойдет. 3. Об откреплении (рабства) от заводов, дать полную свободу перехода с завода на завод. Работу прекратили в 9 часов утра 26.02.1921».

Сверяя тексты прений и постановлений, отметим, что прямой связи между ними может и не быть, но в итоговом документе все же часто отражаются, хотя и косвенно, либо общая направленность прений либо какие-то их детали. На общем собрании рабочих и служащих завода Тюдор 24 февраля 1921 г.²⁶¹ возникла дискуссия о причине разрухи в России. Версии официальных докладчиков некоторыми рабочими были оспорены, но о сущности прений в постановлении ничего не говорится — зато там содержится примечательный пассаж против самой попытки критики официозной версии: «Тех же, кто... старается внести разброд в нашу среду и призывает к недоверию органам власти, клеймим позором, твердо помня, что предательства от своих же братьев рабочих, посланных нами в верховные учреждения, мы ожидать не можем». Этот документ, таким образом, пусть и косвенно, но все же может быть соотнесен с прениями на собрании. Голосование здесь отчасти было направлено не только против безымянных «раскольников», но и против местных рабочих-оппозиционеров — один из них, например, прямо заявил на этом собрании о том, что «нынешний состав Петросвета должен быть признан нетрудоспособным» и выразил удивление тем, что «несмотря на истечение срока, он продолжает работу».

В ряде случаев задача определения авторства постановлений может быть решена и без изоциренного текстологического анализа. Когда мы обнаруживаем почти сходные по содержанию политические постановления, принятые за короткий срок на нескольких предприятиях, то нельзя исключать, что одобрение документов осуществлялось и за счет «живой связи» (как ее тогда называли) между фабриками и заводами: с рядом примечаний одобрялся наиболее авторитетный и систематизированный политический текст. Иногда можно встретить добавления в виде по-

---

²⁶¹ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 14. Л. 103.

правок к итоговым документам, особо отмеченные в протоколах (очень часто это происходило при обсуждении наказа Беспартийному совещанию весной 1921 г.) — тем самым лучше выявлялась механика компоновки постановлений. И, наконец, нельзя не обратить внимание на те случаи, когда постановления, хотя и были по-своему логичны и могли быть объяснены политическими обстоятельствами, все же противоречили житейским правилам людей. Едва ли одобренное работницами 2-й Государственной типографии 15 мая 1919 г. постановление — «считать счастьем отдать своих мужей в ряды доблестной Красной Армии»²⁶² — отражало их подлинные настроения в тех условиях, когда потеря кормильца усугубляла и без того голодное существование семей, если вообще можно допустить, что охотно, считая это «счастьем», отправляли на смерть близких и любимых людей.

Примечателен и инцидент, произошедший на общем собрании рабочих и служащих 2-й Государственной табачной фабрики 26 марта 1923 г.²⁶³ во время обсуждения «текущих дел». Как следует из протокола, «некоторыми рабочими вносятся заявления о том, что на прошлом общем собрании неправильно было вынесено постановление о коллективной подписке на Петроградскую Правду». Можно предположить, что это были люди, недовольные подпиской — иначе зачем было вновь обращаться к этому, если дело касалось лишь формальностей; учтем и то, что повторное голосование, которое стало ответом на такие заявления, решало вопрос именно о том, осуществлять или нет подписку. Но вот что парадоксально: протокол фиксирует, что «коллективная подписка на Петроградскую Правду вторично принимается единогласно». Получается, что и те рабочие, которые выступали против подписки, также голосовали за нее — или все-таки нужно допустить, что на собрании не успели точно подсчитать голоса всех 1400 его участников.

Отметим особо, что постановление, если оно имело политический характер, могло быть и не связано с дискуссиями рабочих, но представляло собой часть ритуальных действий, ставших столь частыми, привычными и далекими от подлинных нужд рабочих, что они не вызывали ни споров, ни возражений. В этих случаях не приходится удивляться тому, что

---

²⁶² Протокол общего собрания работниц 2-й Государственной типографии 15 мая 1919 г.: Там же. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 29.

²⁶³ Там же. Ф. 6261. Оп. 8. Д. 46. Л. 97.

итогом собрания, ожесточенно обсуждавшего вопросы о тарифах и пайках, являлось постановление с призывом дать отпор Колчаку. И все же иногда мы можем обнаружить в текстах протоколов соотнесенность прений и постановлений. Нередко зазор между ними весьма велик, но то, что проекты постановлений отчасти включали импровизации низов, а не только представляли собой некую агитационную «заготовку», предназначенную для многоразового употребления в рабочих аудиториях, несомненно. В частности, на общем собрании рабочих и служащих 1-й Государственной словолитни 7 марта 1921 г.,²⁶⁴ в прениях «выступали некоторые рабочие, которые указывали на отдельные упущения со стороны советских учреждений; на невозможность существования при существующей оплате труда; на необходимость дать возможность проезда рабочим ... для закупки продуктов». Теперь посмотрим, как эти жалобы отразились в постановлении собрания: «...Заявляем, что стоя на основе Советской власти, мы не закрываем глаз на крупные недостатки и волокиту в советских учреждениях, а также и на плохое снабжение рабочих и служащих продовольствием и предметами первой необходимости, поэтому мы считаем необходимым, чтобы в скорейшем времени были увеличены тарифные ставки и тариф вообще должен быть пересмотрен в смысле переведения оплаты труда на натурпремирование. Снабжение предметами должно быть достаточным и его необходимо передать всецело в ведение профсоюзов. Дать возможности рабочим и служащим делать дальние поездки за продуктами. Заградительные отряды переорганизовать и влить в них ответственных работников... Советы рабочих и красноармейских депутатов должны давать отчет о своей деятельности».

Мы нарочито прибегли к столь обильному цитированию, чтобы четче отметить элементы последующей редакции «жалоб» в прениях и превращения их в некое прошение-постановление. Прежде всего подчеркнем ритуальную оговорку «стоя на основе Советской власти». Это обязательная принадлежность всех привнесенных «сверху» в рабочую среду политических документов. В изложении прений никаких оговорок о лояльности нет, но даже если допустить, что такую формулировку предложили сами рабочие, то в свете последовавшего затем оформления конформистскими мотивировками низовых просьб она выгля-

²⁶⁴ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 58–58 об.

дит весьма символично. Не очень отчетливо выраженные, лишённые каких-либо осторожных оправданий, жалобы рабочих в этом постановлении как-то постепенно дополняются перечнем мер по ликвидации выявленных упущений. И сразу становится видно, что эти меры — прежде всего инструмент ограничения недовольства рабочих, заключения его в строго регулируемые рамки. Если есть нарекания на работу снабженцев, то их полномочия предлагается передать большевизированным профсоюзам, а не особым ревизионным комиссиям рабочих (а ведь были в начале 1921 г. и такие предложения). Не всеобщее уравнивание пайков и не лишение пайковых привилегий партийцев, а только увеличение тарифных ставок, не снятие заградотрядов, а лишь пополнение их другими чиновниками, не перевыборы Советов, а только предоставление регулярной отчетности о их деятельности — каждая из мер, отмеченных в постановлении, словно «дисциплинирует» стихийный порыв рабочих, показывает, что делать можно и что делать нельзя. В феврале 1921 г. Президиумом ПГК ВСРМ разбирались почти такие же жалобы рабочих заводов Балтийский и Дюмо²⁶⁵ и можно обнаружить все те же попытки снизить накал недовольства низов посредством лояльных интерпретаций и определения круга не очень радикальных стабилизационных мер. В постановлении общего собрания рабочих 15-й Государственной типографии, принятом в тот же день, 7 марта 1921 г.,²⁶⁶ и после доклада того же представителя ВСРМ, который выступил и в словолитне, эти схемы, упорядочивавшие низовой протест, были отвергнуты — и соответственно проявились жесткость и радикальность требований: «...Товарищам дать следующий наказ: ... 3) о снятии заградительных отрядов 4) об уравнивании всех рабочих в пайке 5) о перевыборах всех Советов тайным голосованием».

Как они обсуждались рабочими 1-й государственной словолитни, почему они одобрялись ими — это особый вопрос. Нас должны насторожить здесь два обстоятельства. Это, во-первых, какая-то сугубая разветвленность, подробность, систематичность антикризисных мер — они явно контрастируют с краткостью изложения речей рабочих, выступления которых, видимо, не были ни многочисленными, ни вызывающими («некоторые рабочие ... указывали на отдельные упущения»). Во-вторых,

²⁶⁵ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 6. Л. 6, 12—12 об.

²⁶⁶ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 64.

можно обнаружить, что предложенные здесь меры не отличались новизной. На других предприятиях предлагались столь же приемлемые для властей формы разрешения конфликтов — это почти универсальный метод умиротворения рабочих. Исходя из этого, можно предположить значительное участие верхов в оформлении низовых постановлений. Но тогда возникает другой вопрос: почему они принимались массами? Механизм принятия решений на собраниях не очень четко документирован и в большинстве случаев мы узнаем лишь о том, принято или отвергнуто было какое-либо постановление. И все же отметим такие факты, влиявшие на позицию рабочих: 1) авторитет управленческих и профсоюзных структур, 2) присутствие на предприятии представителей оппозиционных партий, 3) угроза репрессий, 4) разобщенность рабочих, их нежелание брать на себя ответственность за других, опасение не получить должной поддержки, 5) аполитизм и конформизм рабочих, стремление за неимением лучшего получить хотя бы малое, 6) личные отношения и групповые связи, 7) общественная активность и партийные ориентации. Подчеркнем также, что определенная критика «верхов» в постановлении могла имитировать критический настрой рабочих и делать постановление созвучным их устремлениям. В протоколах рабочих собраний влияние этих факторов выявить иногда очень сложно. Требуются дополнительные источники (сводки, донесения, отчеты, письма), но все же обнаружение их во многом позволяет решить вопрос о том, могло ли быть одобрено решение, даже если оно противоречиво взглядам рабочих.

Мы уже отмечали выше, что ряд фабрично-заводских постановлений (особенно тех, где выражалась политическая лояльность) почти копировал агитационные «заготовки» верхних структур. Именно местные импровизации, упрощавшие предложенный «сверху» текст, в какой-то мере помогают оценить степень низового участия в подготовке документов. То же можно сказать и об общих докладах, которые предлагались на фабрично-заводских собраниях. Особый примитивизм речи был присущ местным ораторам. Представители районных и городских партийных комитетов, губернских и отраслевых профсоюзных структур, как это видно из протоколов (иногда очень подробно воспроизводивших их речи), обладали навыком в агитационной работе. Техника их выступлений являлась более

усложненной, им был присущ определенный уровень политической культуры. Едва ли, даже скороговоркой произнося доклад, они могли позволить себе такую оценку революции в Германии в 1923 г.: «Все кулаки Германии забрали себе хлеб и, конечно, не дают пролетариату, а говорят определенно, чтобы они находились под башмаком буржуазии и чтобы не возникла там революция».²⁶⁷ Нельзя, правда, исключать тог, что здесь мы имеем дело с импровизацией стенографа, либо не успевшего подробно записать речь, либо «обобщившего» ее в соответствии с теми политическими представлениями, которыми он обладал. Среди документов можно обнаружить, например, и такую запись выступления одного из ораторов на собрании работниц в 1922 г.: «Тов. Буревич обрисовал общее положение. ...Капиталисты просят... отдать фабрики. За что предлагают денег! Но так, как у нас сейчас на Поволжье урожай и мы их угроз не боимся!»²⁶⁸ Своеобразие личности стенографа здесь выявляется и междометиями, и хаотичностью построения предложения — несогласованием его частей, обрывом фраз и какой-то особой, «житейской» интонацией («предлагают денег») при рассказе о политико-экономической ситуации.

Необходимо, однако, иметь в виду, что сокращение и редакция текста требовали некоторых культурных навыков. Когда мы обнаруживаем примитивность изложения, то должны допустить, что перед нами может быть вовсе и не обзор, более или менее полный, всей канвы доклада, а воспроизведение нескольких отрывочных фраз, которые уловил стенограф. Здесь следует обратить внимание на причинно-следственную связь между отдельными предложениями, степень фрагментарности последних, просторечие и наличие жаргонизмов в письме. В ряде случаев можно наблюдать, как стенограф, излагая ход собрания, дает собственные оценки тем или иным лицам, превращая протокол в некое подобие отчета. Составитель протокола общего собрания рабочих и служащих 1-й Государственной словолитни 25 апреля 1921 г.²⁶⁹, передавая речь члена Петросовета Ф. Яковлева об ограничении «свободы торговли», излагает и его мотивировки, но в своеобразном оформлении: «докладчик указал ... что со-

²⁶⁷ Там же. Оп. 7. Д. 89. л. 136 об.—137 (Протокол делегатского собрания Государственной типографии 19 ноября 1923 г.).

²⁶⁸ Протокол собрания женщин 4-й Государственной типографии 24 октября 1922 г.: Там же. Оп. 6. Д. 35. Л. 11.

²⁶⁹ Там же. Оп. 5. Д. 77. Л. 96—96 об.

крашение свободной торговли ... сделано будто бы в интересах самих рабочих». Возникает вопрос: кому принадлежит оговорка «будто бы» — докладчику или стенографу. Если докладчику — то следует признать весьма неожиданной (для депутата Совета, по своему положению в тех условиях должном быть лояльным) и не очень логичной такую неожиданную концовку выступления, в котором спокойно, даже нейтрально, обстоятельно рассказывалось о позиции Петросовета — без каких-либо протестов, сомнений или подозрений. Поэтому нельзя исключать того, что эта оговорка могла отражать взгляды стенографа, — тем более, что известно, с каким скептицизмом воспринимали рабочие весной 1921 г. попытки чиновников ввести торговлю в регулируемые рамки. Такие импровизации, разумеется, важны, если мы стремимся выяснить настроение стенографа — но ценой за это будет искажение взглядов других людей.

В ряде случаев проверить достоверность изложения стенографа мы можем, сравнив его описание с данными прессы, политических сводок, а также других документов, подготовленных партийными, государственными и общественными структурами. В отчете о делегатском собрании рабочих и служащих фабрики «Скороход» 4 апреля 1921 г., опубликованном «Красной газетой»,²⁷⁰ дано полубеллетристическое описание возникшего на фабрике спора об уравнивании пайков. В протоколе собрания²⁷¹ эти споры не отражены, а отмеченное репортером «Красной газеты» «предложение о необходимости включить в наказ пункт о немедленном уравнивании всех в пайке» здесь получило такую редакцию: «распределять продукты между всеми одинаково, чтобы не было никаких групп «А» и т. д.». Здесь еще нет противоречия между газетным и протокольным текстами — они появляются тогда, когда сообщается о решении собрания. В протоколе оно записано так: «Отклоняется [предложение] всеми против 2-х». А вот газетная заметка: «Предложение принимается с оговоркой уравнивать всех в пайке, как только у Петрокоммуны явится к тому возможность». Казалось бы, тут две противоположные версии решения — но рассмотрим внимательнее эти тексты. Мы увидим, что несмотря на разные редакции постановления, они фактически в главном схожи. Оговорка о том, что уравнивание в

²⁷⁰ Красная газета. 1921. 5 апреля.

²⁷¹ Протокол делегатского собрания рабочих и служащих фабрики «Скороход» 4 апреля 1921 г.: ЦГА СПб. Ф. 1776. Оп. 23. Д. 10. Л. 46—49 об.

пайке должно производиться только по мере возможности, почти равносильно решению об отклонении уравнения — ведь этой возможности тогда не было.

Большое значение для выявления достоверности протоколов имеет определение степени фрагментарности изложения ими какого-либо события. Обычно встречаются несколько вариантов протоколов: подробное, почти стенографическое воспроизведение докладов и прений, краткое их изложение, изложение, в котором отсутствует описание одной из частей протокола (доклада или прений), и, наконец, только краткая сводка обсужденных вопросов и решений по ним, помещаемая, как правило, в разделе «слушали — постановили». Передавая доклад, традиционно протоколист выделял в нем постановку главных проблем, их краткое разъяснение и определение перспектив будущего — видимо, следуя здесь логике самого доклада. Сообщая о докладе заместителя председателя Петросовета Г. Е. Евдокимова на общем собрании рабочих и служащих Ижорского завода 7 апреля 1921 г.²⁷², составитель протокола следует за нитью рассуждений оратора, нигде не обрывая ее: сначала описывается положение государства (весьма сложное и угрожающее), затем отмечались и те, кто ему угрожает, говорится о том, что это побуждает сторонников Советской власти быть крепкими, и далее — о том, как приобрести эту «крепость». Та же логичность присуща и описанию доклада представителя президиума Петрогубпрофсовета Милейковского на общем собрании рабочих и служащих 2-й Государственной электростанции 8 апреля 1921 г.²⁷³: говорится о сложном «текущем моменте», затем о том, что необходимо сделать для улучшения обстановки — и как следствие этого: о борьбе с бюрократизмом, об общественной активности самих рабочих. Логичность, отсутствие сумбурности изложения, наличие причинно-следственной связи между его различными частями также могут служить доказательством того, что все произошедшее на собрании более или менее соразмерно отразилось в протоколе. При этом, конечно, нельзя отрицать, что ряд выступлений мог быть изложен полнее по сравнению с другими — хотя и проверить это трудно.

Иногда, правда, ядро доклада выявить сложно, отчасти

²⁷² Протокол общего собрания рабочих и служащих Ижорского завода 7 апреля 1921 г.: Там же. Ф. 1790. Оп. 45. Д. 61. Л. 1—1 об.

²⁷³ Протокол общего собрания рабочих и служащих 2-й Государственной электростанции 8 апреля 1921 г.: Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 71. Л. 1—1 об.

и ввиду не очень четкой записи стенографа или допущенной им стилистической либо терминологической путаницы. Так, в протоколе общего собрания 1-й Государственной конфетно-шоколадной фабрики 14 июня 1921 г.²⁷⁴ было отмечено, что «по докладу об организации кооператива выступает тов. Кукушкин», причем сам доклад приведен не был. Но вот что примечательно. Дальнейшее выступление Кукушкина тоже было названо докладом и, видимо, таковым и являлось. Во всяком случае, ощутима разница между безапелляционностью, директивностью его речи, указывающей, что и как надо делать и оправдательным тоном, жалобами тех, кто выступал после него. Отметим, что протокол начинался с описания повестки дня из 4-х пунктов — первым числился «доклад об организации кооператива». Нельзя исключать поэтому, что другого доклада не было, а фраза «выступает по докладу» могла означать «выступает по первому пункту повестки дня» или, что почти равнозначно этому — «выступает по вопросу». Стилистическая небрежность стенографа здесь еще более вероятна и оттого, что крайне редко можно встретить в протоколе отсутствие каких бы то ни было сведений о докладе и уже тем более о докладчике — да и вообще трудно предположить, чтобы кто-то «докладывал» по докладу.

В некоторых случаях изложение и прений и доклада не соответствовало каноническим образцам. Так, составитель протокола общего собрания рабочих и служащих завода «Новое Адмиралтейство» 16 мая 1921 г.²⁷⁵ пересказал лишь вопросы, которые затронул докладчик, не раскрыв подробно их содержания. Можно встретить и «обобщенное» описание прений, при котором не приводились фамилии выступавших, а передавались лишь наиболее обычные аргументы, используемые различными сторонами. Критерии отбора стенографом деталей происшествий, которые должны были отразиться в протоколе, здесь выглядят еще более неясными и произвольными.

Особая проблема возникает перед исследователем в тех случаях, когда изложение какого-либо выступления явно оборвано на полуслове. В протоколе общего собрания рабочих фабрики «Светоч» 28 февраля 1921 г.²⁷⁶ [Док. 22] мы обнаруживаем такую запись речи оратора: «Тов. Николаев, ... коснув-

²⁷⁴ Там же. Ф. 6261. Оп. 6. Д. 72. Л. 29.

²⁷⁵ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 47.

²⁷⁶ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 51—51 об.

шись вопроса о топливе, в связи с которым враги Советской власти подняли вновь свою голову, мутят и подбивают рабочих к прекращению работ в то время, когда спасение наше только в труде и через труд можно выйти из создавшегося положения». На этом изложение кончается и остается не ясным, закончено ли выступление или стенограф не стал его дальше излагать. Можно предположить, что иллюзия неоконченности здесь возникла вследствие неправильной стилистики записей стенографа. Необходимо поэтому обратить внимание на то, как стенограф передает другие выступления. И тут мы встречаем такие же стилистические отклонения: «Тов. Семенова указала на несправедливое распределение продуктов и, получая три с половиной тысячи руб. в месяц, семейством жить невозможно», «тов. Ильин высказался за общегородскую конференцию ... на которой должны обсуждаться все ... вопросы, то как на одном заводе требуют учредительное собрание, на другом — свободную торговлю, свободный труд и т. д., а не слушать шептунов и не верить слухам».

Еще один способ проверить, как возникла иллюзия неоконченности речи в протоколе — попытаться оценить ее фактическую и не формальную (достигнутую посредством стилистически правильного оформления) целостность. Если мы видим, что основная идея выступления высказана достаточно полно, а побочным рассуждениям, иллюстрирующим и развивающим, ее присуща связность, то ни редукция отдельных слов, ни стилиевые огрехи и отсутствие согласования падежей еще не дают повод безоговорочно утверждать, что мы имеем дело лишь с фрагментом текста. Очень важно при оценке фрагментарности текста выяснить также, где сумбурное, стилистически неправильное изложение речи оратора возможно вследствие специфики «писательской» манеры стенографа, а где последний просто адекватно передал бессвязность, присущую разговорной речи самих выступавших. Сделать это сложно, поскольку можно предположить, что оратору были присущи такие же шероховатости в устной речи, какие стенографу — в речи письменной. Можно возразить, что изложение — это всегда некое действие по «обработке» чужой речи и коль скоро мы обнаружили в нем огрехи, то их всецело нужно приписать именно составителю протоколов. С этим спорить трудно, но нельзя не учитывать многочисленные вкрапления прямой речи в пересказах докладов и пре-

ний. Отметим и другое обстоятельство: сообщая о каком-либо выступлении, стенограф иногда пользуется столь необычными, образными сравнениями, метафорами или гиперболами (противоречащих общему тону изложения), что возникает предположение, что это не «свое», а заимствованное. В протоколе общего собрания рабочих и служащих Центральной государственной фабрики прозодежды 6 мая 1921 г.²⁷⁷ стенограф, излагая речь одного из ораторов, Лившица, отмечал, что из нее «можно было заключить, что без капитала рабочий класс не может существовать, ибо капиталы есть колесо, вокруг которого рабочий класс должен всегда вертеться». Если даже учесть, что речь Лившица в какой-то мере огрублена и утрирована, все же можно допустить, что образ колеса принадлежит именно ему — опытному и часто выступавшему полемисту, ставшему главной мишенью критики со стороны управленческой верхушки предприятия. Никаких других метафор в протоколе мы не обнаруживаем, не только риторические, но и синтаксические упражнения стенографу даются с трудом, а об уровне его грамотности свидетельствует употребленное им здесь же слово «сурьезный».

Говоря о приемах изложения стенографом хода собрания, необходимо отметить и такую деталь. Довольно часто составитель протокола передавал наиболее полно лишь те фрагменты речей выступавших, которые отличались особым эмоциональным накалом, либо были необычны и потому обратили на себя внимание. В качестве примера последнего можно привести протокол общего собрания рабочих и служащих завода «Новый Лессер» 29 мая 1922 г.²⁷⁸ Сообщая о заключительном слове докладчика, говорившего о суде над эсерами, из всех содержащихся здесь ответов стенограф счел нужным привести только один: «партия эсеров до 1917 года дала немало героев революции». Такой же специфический отбор парадоксальных рассуждений, провоцирующих предложений, необычных сравнений можно обнаружить и в ряде других документов — правда, нередко в сочетании с изложением достаточно банальным, скрупулезно фиксирующим рутину собраний.

Характерный пример отражения в протоколе эмоциональных элементов в речах ораторов — запись выступления Н. М. Анцеловича на общем собрании рабочих Балтийского су-

²⁷⁷ Там же. Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 4—4 об.

²⁷⁸ Там же. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 11. Л. 159.

достроительного и механического завода 10 февраля 1921 г.²⁷⁹ [Док. 21] Поначалу стенограф фиксирует его речь почти дословно. В изложении отчетливо видны характерные для устной речи повторы, пропуск слов, стилистические отклонения: «Если рабочие, говорит тов. Анцелович, требуют отчета, то разрешите мне сказать. Сказать дайте мне правду, ибо правду говорить гораздо тяжелее, чем неправду». Затем, после столь эмоционального вступления, Анцелович начинает говорить о нормах продовольствия и составитель прекращает пересказывать его речь дословно и возникает уже собственно изложение: «Тов. Анцелович указывает на ту малую норму выдачи продовольствия, которую получают рабочие, ... характеризует общее положение республики». Затем снова передается прямая речь оратора, и, обратим внимание, ей также свойственен какой-то надрыв: «Когда я был в партии при царизме, то я призывал к забастовке и за это много страдал, находя, что в забастовке есть цель освобождения рабочего класса..., а теперь я призываю к работе». Можно, конечно, допустить, что стенограф просто не поспевает за докладчиком, то пытаюсь сперва дословно записывать, то скорописью переходя к обобщенному, краткому изложению. Но тогда закономерен вопрос: почему запись прямой речи возникает, как правило, не тогда, когда монотонно и скрупулезно перечисляются рутинные подробности материального снабжения, а когда речь близка к крику. Из выступления того же Н. М. Анцеловича на делегатском собрании рабочих Трубочного завода 5 апреля 1921 г. в протоколе²⁸⁰ приведен лишь один пассаж — как некий вызов, необычный для такого рода действий, риторический вопрос к залу: «Согласны ли все делегаты с тем, что наш правильный путь — это совместная работа коммунистов с беспартийными на почве совместного строительства?» В протоколе общего собрания рабочих фабрики «Светоч» 28 февраля 1921 г.²⁸¹ речь одного из ораторов, Богдановой, дана в изложении, но зато возглас, который она ее закончила — «Да здравствует советская власть» — оформлен полностью в виде прямой речи. В изложении общего собра-

²⁷⁹ См. протокол общего собрания рабочих Балтийского судостроительного и механического завода 10 февраля 1921 г. (Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 26–28 об.).

²⁸⁰ См. протокол делегатского собрания рабочих Трубочного завода 5 апреля 1921 г. (Там же. Д. 14. Л. 11–11 об.).

²⁸¹ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 51–51 об.

ния рабочих Первой государственной фабрики производства одежды 23 февраля 1921 г.²⁸² в виде прямой речи также выделены наиболее эмоциональные моменты: риторические вопросы («Каким образом попадают дрова в руки спекулянтов»), возмущенные ответы («Что же касается торговли дровами на улицах, то я должен сказать тов. Андрееву следующее: “почему это тов. Андреев, видя такую спекуляцию, не мог доставить таких продавцов куда следует”») или просто обвинения («Если говорить, как везде и всюду ... грабят, то надо говорить целый день и быть хорошим оратором... Теперь доверие смеют только те, кто говорит в угоду правительству»).

Протоколы в ряде случаев можно сравнивать с сейсмографом, четко улавливающим даже перепады интонации выступлений участников собраний. Амплитуда их споров запечатлена в архитектонике протоколов — сложного сплава дословной стенограммы, контурно отмеченных малоуловимых реплик выступавших, кратко и сумбурно переданных изложений аргументов, сопровождаемых личными, субъективными оценками. Конечно, выделение эмоциональных моментов — не главный прием, объясняющий технику сокращения и отбора сведений, помещаемых в протоколе. Следуя по этому пути, можно обнаружить лишь имитацию причинно-следственной связи: в сложной механике составления протоколов многие факторы проявляются опосредованно. Но и этот аспект должен быть учтен — он ярче показывает в стенографе человека с присущими ему пристрастиями и волюнтаризмом, а не безликого регистратора событий, и под канцелярскими наслоениями текстов позволяет ощутить пульс времени.

Проблема реконструкции протоколов очень сложна, поскольку нередко у исследователя, кроме самих протокольных текстов, нет других материалов, позволяющих объяснить лакуны в документах. В ряде случаев можно попытаться воссоздать отсутствующие в изложении фрагменты докладов, исходя из содержания прений. В протоколе общего собрания рабочих и служащих 4-й Государственной конфетно-шоколадной фабрики (10 декабря 1922 г.)²⁸³ отмечено, что один из выступавших «просил советское правительство не обременять налогами

---

²⁸² Протокол общего собрания рабочих Первой государственной фабрики производства одежды 23 февраля 1921 г.: Там же. Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 8–9.

²⁸³ Там же. Ф. 6261. Оп. 6. Д. 74. Л. 24.

рабочих». В изложении доклада, переданном стенографом, о налогах ничего не говорится. Нельзя исключать, поэтому, что о фискальных обязанностях шла речь в той части доклада, которая не зафиксирована в протоколе, тем более, что доклад был целиком посвящен новой экономической политике. Но и здесь нужна осторожность и уместны оговорки о том, что рабочий не обязательно мог оценивать те или иные аспекты НЭПа только в связи с докладом, услышанным на собрании — поводом для этого могла послужить и его собственная экономическая практика. Отметим также, что прения могли и не отражать адекватно те сюжеты, обсуждение которых предполагалось тематикой докладов. Нередко в ходе дискуссии спор начинал затрагивать и такие вопросы, которые выходили за рамки повестки дня. Реконструируя тексты, историк должен обратить внимание и на заключительное слово докладчика. Здесь можно обнаружить сведения о некоторых выступлениях в прениях — в том случае, если докладчик подробно и обоснованно разбирает обвинения, прозвучавшие в речах его оппонентов на собрании. Иногда ход прений, недостаточно четко изложенный в протоколе, можно детализировать, если на собрании возникает полемика не о самом докладе, но речах тех лиц, которые откликаются на доклад.

Стиль протоколов фабрично-заводских собраний во многом определялся тем «канцелярским» их оформлением, которое диктовалась традицией. «По данному вопросу постановили принять к сведению»,²⁸⁴ «докладывает собранию поступившее ... предписание, в коем говорится о воспрещении», «собрание находит предписание неосновательным»²⁸⁵ — такие канцелярские обороты в значительной мере возникают именно как следствие жесткой схемы составления протоколов, хотя и стилистика стенографа, нередко лишавшего канцелярские формулы связующих слов, также накладывала здесь свой отпечаток. Неправильный стиль стенографа не всегда ведет к неясности текста. «Вина настоящего момента не коммунистической партии, а всего рабочего класса»²⁸⁶ — нескладница изложения (а может быть, и самой

²⁸⁴ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 25 (Протокол общего собрания рабочих и служащих Балтийского судостроительного и механического завода 27 января 1921 г.).

²⁸⁵ Протокол общего собрания рабочих и служащих завода Лесснер 25 июля 1919 г.: Там же. Оп. 3. Д. 16. Л. 24.

²⁸⁶ Протокол общего собрания рабочих и служащих Балтийского судостроительного и механического завода 27 января 1921 г.: Там же. Оп. 5. Д. 13. Л. 25.

излагаемой речи) в целом не мешает объяснению текста. То же можно сказать и о фразе: «В текущих делах было задано несколько вопросов волнующего характера рабочей массы, как то о хлебе, о распределении продуктов» из протокола группового собрания рабочих и служащих станочной мастерской Обуховского завода²⁸⁷ — несмотря на просторечие и стилистические отклонения, текст все же остается прозрачным, поскольку сопровождается уточняющим разъяснением.

В ряде случаев расшифровка скорописи стенографа затруднена вследствие небрежности использования технико-экономических или канцелярских терминов в структуре протоколов. В протоколе общего собрания рабочих 1-й Государственной электростанции 9 февраля 1921 г.²⁸⁸ сообщалось, в частности, что Н. М. Анцелович «отметил некоторые невыполненные еще возможности, напр[мер], выдача кожаных рукавиц, неполного горячего пайка». Если о кожаных рукавицах здесь сказано достаточно четко, то с интерпретацией последующего текста возникают сложности: то ли рабочие требуют выдачи неполного пайка, то ли недовольны тем, что паек неполный. Приведем еще один текст - протокол собрания рабочих фабрики «Светоч» 28 февраля 1921 г.,²⁸⁹ на котором один из выступающих предложил «высказываться для того, чтобы выяснить, для чего созвано данное собрание». Логика изложения здесь очевидно нарушена, если учесть, что повестка дня уже была известна — в ней числился лишь один вопрос: «О положении на фабрике». Правильнее, наверное было бы сформулировать вторую часть предложения так: «чтобы выяснить (или рассмотреть) те вопросы, для обсуждения которых созвано собрание» — но это только одна из возможных реконструкций текста, необходимых ввиду отсутствия уточняющих слов.

---

²⁸⁷ Там же. Ф. 4591. Оп. 3. Д. 16. Л. 41 об.

²⁸⁸ Там же. Оп. 5. д. 14. Л. 119

²⁸⁹ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 51—51 об.